

УДК [336.02:338.22](470)(09)

ФИНАНСОВО-КРЕДИТНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ СОВЕТСКИХ ВЛАСТНЫХ СТРУКТУР В ОТНОШЕНИИ НЭПМАНОВ (1921–1928) В ЦЕНТРЕ И НА МЕСТАХ

Е.В. Панга

Саратовский государственный университет,
кафедра отечественной истории в новейшее время
E-mail: hasinl@rambler.ru

Анализируются система налогообложения и условия кредитования частных предпринимателей в годы новой экономической политики. На примере Саратовского Поволжья показана роль губернских и уездных финансовых органов в проведении налоговых мероприятий на местах.

Ключевые слова: коммерческий банк, кредитная политика, новая экономическая политика, фининспектор, налог.

**Soviet Administration and its Financial and Credit Policy
Toward Privat Enterprises in 1921–1928 in the Center and
Regions**

E.V. Panga

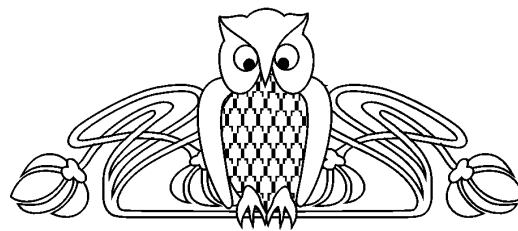
The article analyses tax and credit system created by Soviet authorities during the new economic policy. Saratov Region represented as an example of the above mentioned policy in the regions outside Moscow.

Key words: Commercial bank, credit policy, new economic policy, tax-collector, tax.

Неотъемлемой частью государственной политики большевиков в период нэпа являлись вопросы налогообложения и кредитования. Появление в стране частного сектора экономики потребовало от советского руководства принятия налоговых санкций и новых условий кредитования в отношении лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью. Налогово-кредитная система заслуживает особого внимания, поскольку она оказывала наибольшее влияние на развитие частного предпринимательства.

В период военного коммунизма финансово-кредитная система была полностью разрушена. После перехода к нэпу правительство предприняло шаги к стабилизации денежного обращения. Оздоровить финансы удалось только к 1924 году. Постепенно восстанавливалась и банковская система, однако уже на иных основах, нежели до революции. Экономическая целесообразность уступила место идеологическим догмам.

Особенно большое внимание советское правительство уделяло налоговой политике, ее юридическому оформлению. Отсутствие твердых норм правопорядка приводило к несогласованности в деятельности советских органов, тормозило организационное оформление рынка. Вместе с

тем налоги – это одна из основных статей бюджета государства, и роль налогов была особенно важна ввиду того, что они должны были дать недостающие государству средства. Проведение налоговых мероприятий явилось одной из центральных тем XI съезда РКП (б)¹. В постановлении «О финансовой политике» говорилось о том, что налоговая политика преследует решение двух задач: первая заключалась в регулировании доходов и накопленный буржуазии путем прямого обложения доходов и имущества. Тем самым была определена классовая направленность налоговой политики. Вторая задача предусматривала обеспечение наибольших поступлений от налогов как источника денежных ресурсов государства.

Проведение налоговой политики потребовало изменения в финансовом аппарате. Наркомат финансов являлся главным проводником налоговой политики. Финансовые учреждения республики были представлены губернскими финансовыми отделами (губфинотделы) в губернских городах и уездными финансовыми отделами (уфинотделы) в уездах.

Непосредственное проведение налоговых мероприятий в жизнь осуществлялось местным налоговым аппаратом. Круг обязанностей его был очень широк, но одна из основных – это взывание налогов с торгово-промышленного класса. На протяжении всего периода новой экономической политики на финансовом фронте шла напряженная борьба между плательщиком налога и органами фиска. Налоговые санкции зависели от дохода предпринимателей. Для установления месячного оборота каждого предприятия, подлежащего обложению уравнильным сбором, создавались районные налоговые комиссии во главе с финансовым инспектором. Фининспектор отвечал за правильность исчисления налогов и успешность их взимания. Он же являлся и председателем участковых налоговых комиссий². Финансовые инспектора подчинялись непосредственно губфинотделу и распределялись по уездам губернии. Штатный состав уфинотделов колебался от 4 до 8 единиц, в зависимости от налоговой мощности уезда³. Например, в г. Саратове было 3 инспектора и по 1 в каждом из уездных городов.

Фининспектор был одним из символов эпохи нэпа, проводником советской налоговой политики в жизнь. Он наделялся большими полномочиями, его появление приводило многих «нэпманов» в со-

стояние паники и страха. Этот сюжет сатирически обыгрывался во многих художественных произведениях той эпохи. В частности, Ильф и Петров, рассказывая о развалившемся комбинате частных, писали: «Карл Павийнен уехал на извозчике во мглу, увозя свой не созвучный эпохе товар. За ним канули в небытие Галантпром и Канцбум, за которыми гнались конные фининспектора»⁴. Финансовые инспектора проверяли работу частных заведений и по всем замеченным нарушениям составляли протоколы на местах. Только за ноябрь и декабрь 1921 г. ими было обследовано по Саратовской губернии 90 % всего числа предприятий⁵. Интенсивная работа, проведенная финансовыми инспекторами, является подтверждением важности проводимых налоговых мероприятий.

Из законодательных актов в области финансов большое значение имели три декрета: первый – о введении промыслового налога; второй – об установлении косвенного обложения; третий – о введении государственного имущественного страхования. Они в буквальном смысле произвели в финансовой области революцию, ибо восстанавливали прямые и косвенные налоги.

Система налогообложения складывалась постепенно, так как на первом этапе проведения новой экономической политики не было объектов, с которых можно было бы взыскать налоги. Но по мере развития в стране частнокапиталистических отношений значение финансовых органов увеличивалось.

Отсутствие в первые месяцы нэпа слаженного налогового аппарата обуславливало применение лишь упрощенных приемов обложения, которые не позволяли с достаточной полнотой уловить имущественные различия в среде предпринимателей⁶. Промысловый налог, введенный декретом от 26 июля 1921 г., требовал от частного лишь уплаты стоимости патента на право открытия предприятия. Кроме патентного сбора, с торгово-промышленных предприятий II и III разряда взыскивался и уравнительный сбор в виде ежемесячных платежей в размере 3% с оборота предприятий⁷. В связи с возникшими трудностями уравнительный сбор взимался в 1921 г. не повсеместно, а только в 58 наиболее крупных городах, в том числе и в Саратове. Но уже в 1922 г. патентным сбором были охвачены предприятия всех разрядов, а уравнительный сбор стал собираться повсеместно⁸. Вестником Саратовского Губкома было отмечено, что «оба эти налога (промысловый и уравнительный. – *Е.П.*) стригут торгово-промышленную буржуазию»⁹. Однако Комиссия СТО, подводя итоги нэпа за 1921–1922 гг., отмечала: «Цифры показывают нам, что наше промышленное обложение ни в коей мере не только по отношению к государственной промышленности и торговле, но и по отношению к частной торговле не тяжело. Это подтверждается фактом систематического роста выбранных патентов и числа предприятий...»¹⁰. Советское руководство во главе с Лениным было уверено в

том, что промысловый налог, взимаемый с торговца и промышленника, далеко не охватывает прибыль этой группы населения и для нэпманской буржуазии сохраняются многие лазейки для утайки своих накоплений. В 1922 г. В.И. Ленин в «Проекте директивы Политбюро о новой экономической политике» потребовал от Наркомата финансов увеличить как число налогов, так и размер поступлений от них¹¹. Тем самым политика ужесточения налогового обложения частного, начало которой было положено в 1921–1922 гг., в 1923–1924 гг. получила свое дальнейшее развитие.

Новое Положение о государственном промысловом налоге, введенное в действие декретом ВЦИК и СНК 18 января 1923 г., впервые устанавливавшее дифференциацию уравнительного сбора в зависимости от категории предприятия (государственного, кооперативного и частного), давало значительные преимущества государственным и кооперативным предприятиям перед частными. Ставки промыслового налога с государственных предприятий были в 1,5–4 раза ниже ставок частных предприятий¹², а низовые кооперативные предприятия (рабочей и сельской кооперации) полностью освобождались от промыслового налога¹³. Частные предприниматели дважды платили уравнительный сбор с одной и той же продукции (с оборота в производстве и с оборота от продажи в своем магазине). Отсюда понятно стремление предпринимателя понизить налоговые ставки путем раздачи работы кустарям, так как в этом случае он платил уравнительный сбор с одного торгового оборота.

Существенным было и то, что государственные предприятия были освобождены от поимущественного обложения, которое затрагивало не только предметы обихода, роскоши, но и производственное оборудование частных предприятий, запасы сырья, товаров и др. Это препятствовало, в частности, созданию акционерных обществ, поскольку при всяком слиянии имущества многократно возрастало для каждого участника объединения. К тому же доходы участников акционерных обществ облагались дважды: сначала как совокупный доход общества, потом – как выплаченный дивиденд.

После XI съезда партии нажим финансовых органов на «капиталистические элементы» усилился. По декрету от 16 ноября 1922 г. вводится подоходно-имущественный налог с прогрессирующими ставками обложения, которым подвергались обложению все виды доходов частных лиц¹⁴. Все сборы от этого налога направлялись на финансирование социалистической промышленности, транспорта и государственного сектора торговли. Подоходный налог ограничивал доходы частного, срезал значительную часть его сверхприбылей. В печати того времени можно встретить следующую характеристику этого налога: он «самый лучший, он начисто “бреет” зажиточные элементы населения, буржуазию, людей свобод-

ных профессий, высшие категории служащих»¹⁵. Но в центре считали иначе.

20 января 1923 г. в Госплане был заслушан доклад НКФ «о налоговых предположениях на 1922/23 г.». Представители НКФ, в частности М.К. Владимиров, отмечали, что «наш налоговый аппарат не в состоянии уловить те группы населения, которые предполагается обложить. Тут требуется политический нажим на всех тех, кто будет заподозрен в принадлежности к этому слою (буржуазии. – Е.П.). Наша задача разыскивать тех, которые по известным признакам могут быть причислены к этой категории, для того чтобы обложить их основательно»¹⁶.

С целью более полного и всестороннего обложения капиталистических элементов, в первую очередь получавших высокие доходы, в конце 1923 г. подоходно-имущественный налог был разграничен на основной (классовый) и дополнительный (прогрессивный)¹⁷. Податное население по закону 1923 г. делилось на три группы: а) рабочие и служащие; б) лица, получающие доход от личных промыслов без использования наемного труда; в) лица, живущие на нетрудовые доходы. Подоходный налог платили не только физические, но и юридические лица, причем частные предприятия должны были платить больше государственных и кооперативных¹⁸. Если в 1922 г. ставки этого налога достигали 12% от дохода, то к концу 1924 г. они составили 35%, не считая местной надбавки¹⁹.

22 августа 1921 г. принимается Декрет «О местных денежных средствах», который устанавливал местные налоги и сборы²⁰. Нельзя забывать о том, что с государственного бюджета была снята довольно значительная часть расходов и отнесена на местный бюджет. Эти налоги во многом способствовали восстановлению городского хозяйства губерний.

Усиление налогового пресса в конце 1922 – начале 1923 г. было осуществлено также за счет местных сборов, в первую очередь, по линии арендной платы. Дело в том, что с 10 января 1922 г. приступили к заключению добровольного страхования недвижимости от пожаров, обязательного для помещений, сданных Коммуналделом или Совнархозом в аренду. В течение 3-х месяцев рекомендовалось застраховать все арендованные помещения. Эта проведенная мера привела к резкому сокращению торговой сети²¹.

Наряду с вышеуказанными мерами в середине 1920-х гг. был предпринят ряд исчислений сумм налогов, взимаемых с каждой из социальной групп, которые показали, что «нетрудовые элементы», по отношению к величине доходов, облагались в 1,5–2 раза тяжелее, чем рабочие и служащие²². Так, квартирный налог, введенный в конце 1924 г., увеличивал обложение на нэпманов на 10,5%. Квартирная плата вместе с квартирным налогом достигли 50% всех остальных государственных и мест-

ных налогов и сборов²³. В.А. Архипов пишет: «если к государственному обложению присовокупить еще местные налоги, то вместе они достигали 33% доходов нэпманов, а их доля в общем объеме налоговых поступлений составляла 50%. Вместе с квартирным налогом и квартплатой, налогом за коммунальные услуги и т.п. обложение некоторых плательщиков составляло до 60–70% и более от их доходов»²⁴. По заключению специалистов Наркомфина, налоговая система, сложившаяся к 1925 г., в целом почти не оставляла места для частного накопления.

Правительство вскоре осознало, что свертывание промышленности и торговли в частном секторе еще преждевременно. И это доказал первый кризис нэпа в 1923 г., вызванный «ножницами цен»: выросла безработица, снижился выпуск товаров первой необходимости. Ситуация заставила ряд экономистов Госплана в середине октября 1924 г. пересмотреть политику по отношению к частному капиталу. Так, В.А. Базаров отстаивал идею свободной конкуренции, а не насильственно-репрессивных методов регулирования рынка. Подобной точки зрения придерживался и член президиума Трифонов²⁵. В результате даже в руководстве ВСНХ СССР начинает постепенно преобладать тенденция лояльного отношения к частному капиталу. В 1924/25 гг. государство предприняло целый ряд мер, которые смягчили налоговое давление на частника. Об этом свидетельствует ряд правительственных постановлений.

31 марта 1925 г. на совещании в СТО было принято решение о смягчении экономических и административных мер давления на частный торговый капитал и создании «менее жестких условий» его функционирования. Так, III съезд Советов СССР (май 1925) установил, что «налоги с частной торговли должны применяться так, чтобы не вызывать сокращения товарооборота»²⁶. По постановлению НКФ СССР от 5 мая 1925 г. налоговые льготы были предоставлены деревенским торговцам, затем владельцам мельниц, маслобоен, других предприятий на селе²⁷. В мае 1926 г. СНК СССР отменил всякие налоги с предпринимателей по добыче золота и других драгоценных металлов. Для предприятий, производивших дефицитные товары, отменялись налоговые надбавки в местный бюджет²⁸. Снижился квартирный налог²⁹, отменялась обязательная выборка облигаций государственных займов.

Но после некоторого сокращения налоговое обложение вновь было увеличено. 18 июня 1926 г. был объявлен «временный сверхналог» на нэпманов³⁰, который постановлением ЦКК и СНК с 18 мая 1927 г. стал постоянным, а не временным³¹. А чуть позже налоговый прессинг на частных предпринимателей был продолжен.

В конце 1927 г. советское руководство сделало окончательный вывод: «к элементам частнока-

питалистического хозяйства должна и может быть применена политика еще более решительного хозяйственного вытеснения»³².

С этого времени начинается этап ликвидации частной промышленности и торговли, но ликвидации не немедленной, а происходившей около трех лет. В 1928 г. вышло новое положение о промысловом и подоходном налогах, величина изъятия по этим налогам (без учета других) составила 54% с дохода³³, что поставило частных предпринимателей в невыносимо тяжелое экономическое положение.

Одной из форм давления на предпринимателя было и огромное количество различных сборов, так называемых косвенных налогов. Например, в 1926 г. появился военный налог, взимаемый с лиц, зачисленных в тыловое ополчение. Он целиком падал на нэпманов, которые автоматически были лишены избирательских прав, а потому и автоматически попадали в тыловое ополчение. Дискриминация по отношению к частным предпринимателям существовала также в уплате различных государственных пошлин: судебной, за перемену имени, за выдачу загранпаспорта, нотариального сбора и т.д., а также в уплате пени³⁴.

Усиление налогового гнета привело к значительному снижению дохода предпринимателей. Так, данные налоговой комиссии г. Саратова, собранные в 1927 г. во время местного и уравнительного сбора государственных налогов³⁵ и во время сбора налога на сверхприбыль³⁶, говорят о постоянных недоимках с частных предприятий. Многочисленные заявления владельцев частных предприятий Саратовского Поволжья в союзы соответствующих отраслей о закрытии своих заведений по причине непосильного обложения налогами³⁷, из-за невозможности приобрести отсутствующие на рынке товары через государственные магазины³⁸, из-за отсутствия заказов со стороны государственных и кооперативных учреждений³⁹ подтверждают сказанное выше о решительном наступлении на частный капитал.

Таким образом, форсированное налоговое обложение частника, начатое с 1926 г., в 1928 г. было доведено до предела, дальше которого лежала «невозможность хозяйственной деятельности и чрезвычайное усиление дезорганизующих форм работы частного капитала»⁴⁰.

Большинство партийно-государственного руководства под лозунгом борьбы с возрождающейся и якобы укрепляющейся экономической и политической буржуазией, продолжило линию не только на ускоренное вытеснение, но и на ликвидацию предпринимательства. Этому способствовала кампания по взысканию недоимок с предпринимателей, которая проводилась в конце 1929 года.

В деле взимания недоимок полное содействие налоговым органам оказывали органы милиции. Содействие это проявлялось главным образом при составлении описей и отчуждении описанного

имущества недоимщиков. Кроме того, милиция, при обнаружении, например, беспатентной торговли, формально протоколов не составляла, но о замеченных нарушениях обязана была сообщать «налоговому надзору»⁴¹. На местах организацией работы по взысканию налоговых недоимок и ее руководством занимались местные органы ЦКК и РКК, о чем свидетельствуют документы из Государственного Саратовского областного архива⁴². Стремясь заставить предпринимателей врасплох, оперативную работу бригады проводили, как правило, ночью, по мандатам прокуратуры и уголовного розыска г. Саратова. При взыскании налога применялись все меры воздействия по отношению к неисправным плательщикам. Описывали орудия производства частников, незаконно подвергали аресту имущество недоимщиков, независимо от суммы недоимки⁴³. В результате деятельности бригад было изъято ценностей и имущества на общую стоимость 32 млн рублей (в основном по РСФСР)⁴⁴. Изъятые ценности сдавались в кредитные учреждения.

Кредитная политика по значимости не уступала налоговой и являлась одним из важнейших рычагов регулирования деятельности частного торгово-промышленного капитала. Предприниматели нуждались в денежных средствах как для открытия своего «дела», и так и для дальнейшего его развития. Государство, предоставляя кредиты на одних условиях, могло способствовать развитию частного рынка, на других условиях – свести эту деятельность к минимуму. И понимая действие такого механизма, при некоторой экономической либерализации, большевики все же не отказывались от главного своего постулата – классового подхода, который был применен не только в налоговом, но и в кредитном вопросе.

Одним из главных кредитных учреждений страны стал Государственный банк РСФСР, образованный в составе Народного комиссариата 4 октября 1921 года⁴⁵. Его бюджет складывался из государственных средств в сумме 2000 млрд руб. в совзнаках, что равнялось примерно 35 млн золотых рублей. На 1 января 1922 г. функционировали уже 4 филиала Госбанка, в том числе его Московская контора⁴⁶. В Саратове филиал Госбанка начал работу 1 августа 1922 года⁴⁷.

С самого начала Правление Госбанка направило свою активную деятельность на финансирование и кредитование крупной государственной промышленности и кооперативных объединений, сдерживая просьбы на взятие кредита со стороны частной промышленности и торговли⁴⁸. Однако полностью исключить частника из сферы кредитования было нельзя. Прежде всего это не соответствовало принципам провозглашенной новой экономической политики; кроме того, большевики хорошо понимали, что восстановление частного сектора экономики без финансовой поддержки просто не возможно. Одним словом, государство вынуждено было предоставлять кредиты частным

предпринимателям, при сохранении привилегий в отношении государственных предприятий и кооперации⁴⁹. Так, при учетном проценте для госучреждений и кооперации в 2–5%, учетный процент для частной клиентуры был в несколько раз больше и определялся в 10–12%⁵⁰. Как следствие – многие частники сами отказывались от такой «помощи». Более того, согласие предпринимателей на предъявляемые условия не являлось гарантией получения необходимых сумм. Кредитование частных фирм и лиц производилось с большой осмотрительностью и строгим отбором. Нередко потребности частной клиентуры в кредите вообще не учитывались⁵¹.

Краткосрочность ссуд еще больше сузила возможности нэпманов, особенно если это касалось частной промышленности. По сведениям Е. Демчик, «предельный срок кредита ограничивался 3 месяцами»⁵². При таких краткосрочных кредитах развивать частный сектор производства было практически невозможно. И поэтому нэпманы ставили вопрос о предоставлении частной промышленности долгосрочных кредитов. Однако такой пересмотр кредитного дела шел вразрез с кредитной политикой государства. Так, заместитель председателя ВСНХ СССР Э.И. Квиринг полагал, что «нельзя идти навстречу высказанным пожеланиям», ибо долгосрочные кредиты и сырье «как раз то, в чем наиболее нуждается государственная промышленность»⁵³. Помимо этой отрасли большая часть кредитов направлялась в распоряжение крестьянских хозяйств, сельскохозяйственной кооперации⁵⁴.

«Ножницы» цен и кризис сбыта усилил классовый характер банковских кредитных операций. Осенью 1923 г. были даны жесткие директивы о необходимости прекращения кредитования частных лиц и учреждений, категорического прекращения выдачи новых ссуд этой категории клиентуры, безоговорочной ликвидации в срок задолженности частной клиентуры по старым долгам⁵⁵. В феврале 1924 г. нарком РКИ В.В. Куйбышев выступил со статьей «Задачи внутриторговой политики», в которой были изложены правительственные меры по ограничению и частичному вытеснению капиталистических элементов. Для борьбы с частным капиталом предлагалось максимальное сокращение, вплоть до полного прекращения прямого и косвенного товарного и денежного кредитования частного капитала государственными органами⁵⁶. И в апреле 1924 г. банки получили директиву прекратить кредитование частных лиц в заготовках шерсти, кож, снизить кредиты хлебозаготовителям и торговцам мануфактурой⁵⁷. XIII съезд партии потребовал от государственных банков снизить долю кредитов частным лицам⁵⁸. В соответствии с решениями указанного съезда размер кредитов частной клиентуре был снижен в 2,2 раза⁵⁹.

Таким образом, уже в первые года нэпа большевики старались всеми мерами ограничить

возможности для частного кредитования. Вместе с тем советское правительство допустило нэпманов к непосредственной организации кредитного дела путем разрешения создания обществ взаимного кредита (ОВК) и коммерческих банков⁶⁰. Первые кредитные учреждения коммерческого толка стали появляться в 1922 году⁶¹. В этом же году открылось Саратовское ОВК и начал свою работу коммерческий Немецко-Волжский банк сельскохозяйственного кредита.

Такая двойственная финансовая политика, а именно создание сети коммерческих кредитных учреждений, позволила большевикам сократить теневой денежный оборот, ввести его в русло организованного частного кредита, посредством которого можно было всегда «своевременно» отреагировать на накопления нэпманской буржуазии.

С курсом на ограничение накоплений была связана и политика цен. Стройной системы ценообразования в 1920-е гг. еще не было. Понижение цен происходило преимущественно в виде кампаний. Суть данного метода заключалась в том, что Наркомат внутренней торговли устанавливал предельные цены в государственной и кооперативной торговой системе значительно ниже рыночных. Делалось это для того, чтобы заставить частника также снизить цены. Во время кампании по снижению цен принимались меры общественного воздействия на сопротивляющихся нэпманов, устраивались «месячники покупок только в кооперации» и т.п.; последняя стала впервые практиковать продажу в кредит.

В 1925/26 гг. были предприняты новые меры для внедрения плановости в товарный оборот. К 1925 г. относится начало снабжения потребкооперации госпромышленностью на основе генеральных договоров; был введен плановый завоз товаров по районам страны; усиливались плановые заготовки хлеба, сельскохозяйственного сырья. В постановлении СНК СССР и СТО от 28 июня 1926 г. «О хозяйственной конъюнктуре за первую половину 1925/1926 хозяйственного года» Госплан получил задание при разработке контрольных цифр развития народного хозяйства на 1926/27 г. «внести больше четкости и ясности в политику по отношению к частному капиталу как в смысле объема и области применения, так и в смысле методов регулирования»⁶². В результате со второй половины 1926 г. сократился кредит частным лицам, было начато и продолжено в 1927 г. новое снижение цен, составившее в среднем 10 %⁶³.

В целом эволюция финансово-налоговой системы демонстрирует, как менялось отношение власти к частному капиталу на различных этапах осуществления новой экономической политики. На примере Саратовского Поволжья можно отметить, что политика власти периода нэпа в центре и на местах имела «зигзагообразный» характер: 1921–1923 гг. – время достаточно мирного со-

существования различных укладов в экономике страны. Но уже в это время частные предприниматели становятся главными объектами налогообложения. С конца 1923 г. и до 1925 г. все больше усиливается контроль государства за частниками и их накоплениями. Ряд постановлений советской власти, принятых в 1925 г., позволяют говорить о некоторой «оттепели» в государственной политике. Но с 1926 г. со всяким «заигрыванием» с коммерсантами было покончено. Административное регулирование уступает место экономическим методам борьбы. Налоги ужесточались, росли как снежный ком из года в год, и к 1928 г. были доведены до предела. С переходом к плановой экономике частные предприниматели стали лишними элементами в социалистической системе хозяйствования.

Примечания

- 1 См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1983. Т. 2. С. 496.
- 2 См.: Государственный архив Саратовской области (далее ГАСО). Ф. 338, Оп. 1, Д. 995, Л. 7 об.
- 3 Там же. Л. 6 об.
- 4 *Ильф И., Петров Е.* 12 стульев. Золотой теленок. М., 1967. С. 469.
- 5 См.: *Трофимов Н.* Финансы в 1921 г. и перспективы их в 1922 г. // Вестник Саратовского Губкома Р.К.П. 1922. № 16.
- 6 См.: Отчет Народного Комиссариата финансов РСФСР за 1922–1923 год XI съезду Советов. М., 1924. С. 9.
- 7 См.: *Трофимов Н.* Указ. соч.
- 8 См.: Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР (далее СУ). 1922. № 16. Ст. 162; № 17. Прилож. к ст. 180.
- 9 Вестник Саратовского Губкома Р.К.П. 1923. № 1. С. 22.
- 10 На новых путях (Итоги новой экономической политики. 1921–1922). М., 1923. Ч. II. С. 142.
- 11 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 356.
- 12 См.: *Исаев И.А.* Проблемы правового регулирования советской многоукладной экономики // Экономическая политика Советского государства в переходный период от капитализма к социализму. М., 1986. С. 182.
- 13 См.: СУ. 1923. № 5. Ст. 88, 89; СУ. 1923. № 45. Ст. 559.
- 14 Прогрессивный характер означал то, что если доход предпринимателя был выше минимума в 10, скажем, раз то с него брали налог не в 10 раз больше, а раз в 30 или даже больше.
- 15 Вестник Саратовского Губкома Р.К.П. 1923. № 1. С. 23.
- 16 Протоколы Президиума Госплана СССР. 1923 г.: Сб. документов. М., 1991. Ч. 1. С. 49.
- 17 Первоначально подоходный налог взимался с граждан, получающих «нетрудовые» доходы, то есть предпринимателей. В 1923 г. этот налог изменили и стали привлекать к подоходному обложению всех граждан.
- 18 См.: Вестник финансов. 1923. № 3. С. 21.
- 19 Там же. 1924. № 11. С. 73.
- 20 См.: СУ. 1921. № 62. Ст. 446; № 80. Ст. 693.
- 21 См.: Вестник промышленности, торговли и транспорта. 1923. № 9–10. С. 134.
- 22 См.: *Свищев М.А.* Изучение нэпманской буржуазии в научной литературе 20-х годов // Вест. Моск. ун-та. Сер. 8, История. 1987. № 6. С. 22.
- 23 См.: Вестник финансов. 1924. № 12. С. 15.
- 24 *Архипов В.А.* Этапы и методы регулирования частного торгового-промышленного предпринимательства. М., 1982. С. 182.
- 25 См.: *Быстрова И.В.* Государство и экономика в 20-е годы: Борьба идей и реальность // Отечественная история. 1993. № 3. С. 26, 27.
- 26 Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1957. Т. 1. С. 483.
- 27 См.: Постановление ЦИК СНК СССР // Известия ЦИК. 1925. 13 мая; СЗ. 1925. № 25. Ст. 168; № 32. Ст. 213.
- 28 См.: СЗ. 1926. № 3. Ст. 16.
- 29 Среди мер, которые намечались в проекте мероприятий, необходимых для поощрения частной торговли и промышленности, предусматривалось заменить систему «соглашений» в области квартирной платы «определенными дифференцированными нормами» для отдельных групп частных торговых и промышленных предприятий с тем, чтобы квартирная плата вместе с коммунальными услугами не превышала определенного процента от доходов данной группы.
- 30 См.: КПСС в резолюциях .... М., 1984. Т. 4. С. 156.
- 31 См.: Законы о частном капитале: Сборник законов, постановлений, инструкций, разъяснений. М., 1929. С. 313.
- 32 КПСС в резолюциях .... Т. 4. С. 262.
- 33 См.: *Архипов В.А.* Частная аренда государственных предприятий в период нэпа // Вопросы истории. 1980. № 3. С. 26.
- 34 См. *Лебина О., Белоцкая Н.* Онэпивание // Родина. 2001. № 6. С. 63.
- 35 ГАСО, Ф. 341, Оп. 1, Д. 687, Л. 2–12.
- 36 Там же. Д. 688, Л. 1–4, 5–8.
- 37 Там же. Ф. 621, Оп. 1, Д. 338, Л. 65, 89, 94, 121, 182.
- 38 Там же. Д. 283, Л. 14, 19, 37; Там же. Д. 338, Л. 64, 186, 226, 242.
- 39 Там же. Л. 1, 48, 123, 126, 251, 265, 266.
- 40 *Бородкин Л.И., Свищев М.А.* Социальная мобильность в период НЭПА: К вопросу о росте капитализма из мелкого производства // История СССР. 1990. № 5. С. 115.
- 41 ГАСО, Ф. 338, Оп. 1, Д. 995, Л. 13.
- 42 См.: Там же. Д. 13, Л. 2.
- 43 Там же. Ф. 338, Д. 995, Л. 6.
- 44 См.: *Люттов Л.Н.* Частная промышленность в годы нэпа. Саратов, 1994. С. 123.
- 45 См.: Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. М., 1957. Т. 1. С. 270, 271; С 1923 г. Государственный банк СССР.

- ⁴⁶ См.: *Атлас М.* Развитие Государственного банка СССР. М., 1958. С. 12.
- ⁴⁷ См.: Сборник документов и материалов по истории СССР советского периода (1917–1958). М., 1964. С. 186–187.
- ⁴⁸ См.: Торговый бюллетень. 1921. 31 дек.
- ⁴⁹ См.: *Симонов С.* Советская финансовая политика в условиях нэпа (1921–1927 гг.) // История России. 1990. № 5. С. 43; *Люттов Л.Н.* Указ. соч. С. 125.
- ⁵⁰ См.: Отчет губернского экономического совещания (ЭКОСО). Саратов, 1923. С. 75.
- ⁵¹ ГАСО. Ф. 1126. Оп. 1. Д. 127. Л. 21 об.
- ⁵² *Демчик Е.* Частный капитал в городах Сибири в 1920-е годы. Барнаул, 1998. С. 102.
- ⁵³ Цит. по: *Люттов Л.Н.* Указ. соч. С. 136.
- ⁵⁴ См.: *Ильин С.С.* Финансовая политика в аграрной сфере при нэпе // Финансы. 1993. № 11. С. 75.
- ⁵⁵ Социалистическое хозяйство. М., 1924. Кн. 2. С. 141.
- ⁵⁶ См.: КПСС в резолюциях.... М., 1984. Т. 3. С. 168–169.
- ⁵⁷ См.: Правда. 1924. 8 апр.
- ⁵⁸ См.: *Винокур С.М.* К вопросу о политике государственного кредита // Вестник финансов. 1926. № 8. С. 22.
- ⁵⁹ См.: Экономическая жизнь. 1924. 4 июня.
- ⁶⁰ См.: *Мехряков В.Д.* История кредитных учреждений и современное состояние банковской системы России. М., 1995. С. 180.
- ⁶¹ См.: *Фридман С.* Частный капитал в кредитной системе СССР в 1922/23 и 1923/24 гг. // Проблемы теории и практики управления. 1992. № 2. С. 117.
- ⁶² СЗ. 1926. № 54. Ст. 396.
- ⁶³ См.: Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. М., 1957. Т. 1. С. 644.

УДК [94:32](470)

КОНЦЕПЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ

В.И. Тюрин

Саратовский государственный университет,
кафедра нового, новейшего времени и международных отношений
E-mail: vladimirtyurin@rambler.ru

В статье исследуется сущность концепции национальной безопасности Российской Федерации в контексте формирования инновационного общества в России. Изучаются представления политической элиты России о характере и важнейших составляющих инновационного обновления страны, выявляется роль государства. Осмысливаются также проблемы, возникшие на путях становления в России нового уровня цивилизации.

Ключевые слова: национальная безопасность, инновационное общество, политическая элита, государство, новый инновационный уровень.

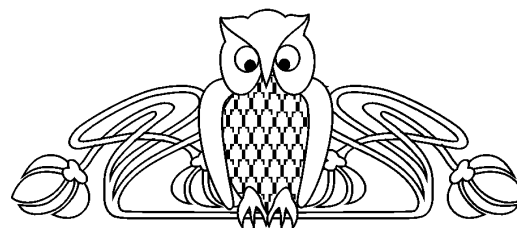
The Conception of National Security of Russian Federation and Problems of Forming Russian Innovative Society.

V.I. Tyurin

This article focuses on the conception of national security of Russian Federation in the context of forming Russian innovative society. The author studies knowledge of Russian political elite about character and main components of innovative regeneration of the country, the talk of state is identified. The problems of making new civilization level in Russia are also studied.

Key words: national security, innovative society, political elite, state, new civilization level.

Ныне действующая Концепция национальной безопасности Российской Федерации определялась как «система взглядов на обеспечение в Российской Федерации безопасности (здесь и далее курсив наш. – В.Т.) личности, общества и

государства от внешних и внутренних угроз во всех сферах жизнедеятельности»¹. Национальные же интересы России представляют собой «совокупность сбалансированных интересов личности, общества и государства» в различных сферах жизнедеятельности.

При этом составители Концепции подчеркивали, что в ней «сформулированы важнейшие проявления государственной политики Российской Федерации», и что «национальные интересы обеспечиваются институтами государственной власти»².

Этот акцент чрезвычайно важен. По сути и духу своему Концепция национальной безопасности РФ 2000 г. есть не что иное, как Концепция государственной безопасности, что принципиально важно для оценки и осмысления философии этого очень важного документа, во многом определяющего стратегию эволюции новой России.

В этой связи хотелось бы особенно подчеркнуть, что составители Концепции рассматривают национальную безопасность как состояние и степень защищенности человека, общества и государства от внутренних и внешних угроз и пути, средства преодоления этих вызовов. Представляется, что подобный подход и трактовка понятия «национальная безопасность РФ» несколько обедняет смысловое содержание Концепции национальной безопасности как таковой и ее составляющих.